

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.
Основана С. Х. Арутюновым.

ЛИСТОЧКИ.

Поминки.

Иду из Ялты, где угасал Чехов, по направлению к Таганрогу, где он родился, и моему задалено газетными и журналами, посвященными его памяти... Чеховский путь, мысли о Чехове, мушкетеры его ртечи, оживающая в этой пыльной литературной пылинке, в милой отраде чеховской «Стени», такой пленительной посылке сентиментальности и чувственности декорации Грима!

Но все, что написано по поводу грустной годовщины смерти Антона Павловича, — разве все это литературные характеристики, воспоминания, критические определения, углубления? Это похоже скорее на любовные признания, на тихий и сладкий шепот вечной жизни.

«Милый», «любимый», «дорогой», «родной», «близкий», «свой»...

Точно к возлюбленному обращается Россия эти интимные, ласковые, удивительные, чеховские слова.

Возлюбленная Россия! Вот настоящее определение Чехова, воз-

любленный, которому хочется отдать самые чистые, печальные и тайные свои думы.

Толстого уважали, Толстой был гордостью России, но к его суровому облику, к его библейской мощи, к его суровой бороде пророка не шли слова личной близости.

«Милый Толстой!» Такое сочетание было бы неестественно, оно просто никому не пришло бы в голову, а вот к Чехову обращается же так Россия!

— Милый Чехов.

Это от женственности его, от необычайной женственности его натур, стили, поэзия. Он трепет, как женщина, этот одинок, больной, горький ум, и столько безысходного, трепетного думного, бездумного было в этом, начальном, страстном сердце, на этих смещающихся устах.

Пушкин утверждал начало мужественное в русской поэзии. Это мужик, почувствовавший зрелую мощь в своих мускулах, постыдился дельского, подражательного периода нашего искусства.

И какой ясный, трезвый, законченный и гармоничный мужской ум, какое твердое мужское сердце! Это

Милый Чехов! Возлюбленный Россия!

Это звучит из поэзии воспоминаний, из капризного дыма помертвевших сладословий, из каждого номера газеты из дней чеховских поминков.

Перед Пушкиным благоговели. Турецким восхищались. Достоевского боялись. Толстого уважали, почти молитвенно.

Но Чехова любил. Вот эти газеты и журналы, вышедшие 2 июля 1914 года — они останутся, как единственными в своем роде, любовными письмами России к мертвому уже писателю.

Так умиленно говорят, об утихо- кь только близко-близкого. Так поклоняются слезам только близкого. И каждую мелочь, каждый штрих поднимают из прошлого, как вину хрупкую драгоценность, и радуются ей горькой радостью воспоминания...

Возлюбленная Россия!

С этими имениями, с этим теперь в историю — удивительный, скорбный, женственный шепот, первая и последняя любовь нашего поколения!

ПЕССИМИСТЪ.